1.10.99

Раневская Фаина

ОБРЕЧЕННАЯ НА ЕСТЕСТВЕННОСТЬ

Раневская — это не «Муля» и не мульки

Новая газета — 1999 — 1-7 окт. с.23

Фаина Раневская. Дневник на клочках. Подготовка текста, вступительная статья и публикация Юрия Данилина. — СПб.: Фонд русской поэзии; «Петрополь», 1999

Большая часть этих записей была впервые опубликована в середине 1990-х в «Новой газете». Что приятно редакции: «Дневник на клочках» Фаины Раневской принципиально отличается от мемуаров о ней, появившихся на лотках, мемуаров с трогательным контрапунктом: «Сегодня пустила в дом... завтра выгнала».

Равно как и от издания «Шутки Раневской».

Каким-то текстам о ней явно обеспечила коммерческий успех фраза: «Муля, не нервируй меня!». «Дневник на клочках» вела актриса, остро ненавидевшая «Мулю» всю жизнь. Актриса, с которой Брехт взял слово обязательно сыграть мамашу Кураж, но никто и никогда не поставил для нее эту пьесу... Не только собеседница, но, пожалуй, и последовательница Ахматовой: словесная яркость этих клочков, щегольство лаконизма, отточенная учтивость точки и запятой напоминают записные книжки и мемуарные фрагменты поэта.

Культура дает изящество человеку, тексту, изданию. «Дневник на клочках» — прежде всего изящная книга.

И ахматовский принцип «из какого сора...» — применим здесь вполне. «...Не было подходящего собеседника — им становился ближайший к руке клочок бумаги. Не важно какой: старая афиша, собственный бюллетень, оборотная сторона открытки или чьей-то фотографии. ...Ее архив — быть может, самая убедительная иллюстрация ее жизни: разбросанный, «неухоженный», но захватывающе интересный, талантливый, умный», — пишет составитель.

...В юности, служа в летнем театре Малаховки «на выходах», Фаина Раневская сумела насмешить до слез саму Ольгу Осиповну Садовскую, «великую старуху» Малого театра, младшую современницу А. Н. Островского.

От нее, быть может, и унаследовала амплуа. С поправкой на страшное столетье.

...В молодости видела, как столетье вошло в полную силу: «Крым. Сезон в крымском городском театре. Голод. Военный коммунизм. Гражданская война. ... Было много такого страшного, чего нельзя забыть до смертного часа и о чем писать не хочется. ...Я не уверена в том, что все мы выжили бы (а было нас четверо), если бы о нас не заботился Макс Волошин».

Вот разговор с Михоэлсом, разговор мирных и благополучных, по нашим понятиям, времен (собственно, уже почти в канун его гибели):

«Что вы привезли из Америки?»

«...Мышей белых жене для работы...»

Так и жили: в белых мышах тоже была недостача, но первоочередная значимость таковых не ставилась под сомнение: «для работы» те поколения жертвовали многим, и у них выходило это с какой-то обреченной естественностью.

В записях Раневской, в мнениях, вопросах, целях, радостях и печалях ее любимых современников уцелела иная ментальность. Она теперь забывается стремительно, точно хорошие манеры в 1920-е годы.

...Ахматова в 1946 году. Осенью. Уже после доклада тов. Жданова.

«В один из этих страшных ее дней спросила: «Скажите, вам жаль меня?» — «Нет», — ответила я, боясь заплакать. — «Умница, меня нельзя жалеть»...

...Мы очень хорошо понимали это еще лет десять назад. И поди ответь, так ли глупы были в те годы, на самом излете обреченной естественности, на обрыве эпохи точек, поставленных вовремя и в нужном месте.

Во всяком случае ежели точки ставил мастер.

— ...Бог мой, как я стара — я еще помню порядочных людей!

Из знаменитых «острых слов» Раневской ни одно не вошло в язык так победоносно, как эта емкая фраза. Лаконичные записи, ее письма и письма к ней сильно и четко слагаются в автопортрет порядочного человека. И еще показывают: содержание этого понятия много десятилетий почти не менялось, несмотря ни на что, переходило от старших ее собеседников, Садовской и Качалова, к самому младшему из корреспондентов — Давиду Самойлову.

И конечно же к ней самой.

«...В пять лет была тщеславна, мечтала получить медаль «За спасение утопающих». Теперь медали, ордена держу в коробке, где нацарапала: «Похоронные принадлежности».

«Сегодня ночью думала о том, что самое страшное — это когда человек принадлежит уже не себе, а своему распаду».

Дальше — началось новое, строго говоря, наше время.

И ныне при чтении эти записи похожи всего более на старое зеркало. На этакое потемнелое, трехметровое, громоздкое наследственное трюмо. В которое заглядывают, чтоб увидеть, что не так, и привести себя в порядок.

● **Елена ДЬЯКОВА**